

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР В РОССИИ 1990-Х ГОДОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ Ж. Т. ТОЩЕНКО “ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

© 2016 г. Р. Х. Симонян

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра Североевропейских и Балтийских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД РФ, Москва.

В последние десятилетия в обществоведении происходит отказ от диктата “естественно-исторических” закономерностей общественных изменений в пользу утверждения принципа “социально-исторического” процесса, в котором решающую роль играют “деятельные социальные субъекты”, что в полной мере соответствует философскому положению о возрастании роли субъективного фактора в историческом процессе. Насколько велика эта роль, показывает общественная практика. Необходимость и актуальность дискурса о социальных субъектах новейшей российской истории показаны в монографии Ж.Т. Тощенко “Фантомы российского общества”, вышедшей в канун 25-летия экономических реформ в России.

Ключевые слова: экономические реформы 1990-х, социальные типы новой номенклатуры, синтез научного и художественного отражения жизни, когнитивная лингвистика.

В конце 1980-х годов в социалистических государствах активно начались трансформационные процессы. Руководители стран Восточной Европы, пришедшие к власти на волне демократических движений 1989–1991 годов, поставили основной задачей переход к западной модели общественного развития – демократии и рынку. За прошедшие годы эти страны достаточно успешно трансформировались в современные государства с многопартийной политической системой и рыночной экономикой. Сегодня в большинстве из них имеются реальные достижения в экономике и устойчивые демократические системы правления. Почему же в России итоги реформ оказались, по словам академика РАН О.Т. Богомолова, “столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских”? [1, с. 9].

В поиске ответа на этот вопрос следует учитывать важнейшее философское положение о возрастании роли *субъективного фактора* в историческом процессе. Убедительно обозначил эту роль академик Д. Лихачев: «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека. Поэтому такие вопросы, как “что нас ждет в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что **мы**

сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути в истории, нет» [7, с. 3]. Насколько быстро и в каких формах происходит возрастание субъективного фактора можно судить только по реальной повседневности, ибо главный критерий истины – практика. Многоплановое исследование Ж.Т. Тощенко [17], проведенное в рамках Научного совета РАН по проблемам новых явлений в общественном сознании и социальной практике, подтвердило, что если исключить психологический фактор из анализа экономической реформации или не придать ему серьезное значение, то нельзя будет получить объективное представление о постсоветской России.

В исследование роли экономических изменений в российском обществе включены не только социологи, но и отечественные социальные психологи, активно изучающие динамику социально-психологических явлений в изменяющемся российском обществе. Результаты их работы в 1990-е годы составили актуальное научное направление исследований [4; 5; 13; 15].

Этот исторический период деятельности реформаторов в России получил образную квалификацию как “лихие девяностые”. После ордынского нашествия в российской истории был только один период, получивший собственное

имя – начало XVII века – “смутное время”. Смута – это хаос, раздоры, беспорядок. “Лихо” в русском языке имеет более конкретное и более негативное содержание: “зло”. В словаре русского языка С.И. Ожегова “лиходеи” означает “злодей”, “мучитель”, а “лихоимец” – вымогатель, взяточник. Там же приведен пример: “хлебнуть лиха – узнать сполна горе, беду” [9, с. 328]. Ж. Тощенко, пользуясь социологическим инструментарием, тщательно анализирует это зло, конкретизирует и в традициях феноменологии персонафицирует его.

Социально-психологическое состояние, возникшее в российском обществе в 1990-е годы, оказало воздействие на всю общественную жизнь страны, вызвав причудливые явления, как в социальной практике, так и общественном сознании. Именно в тот период, подчеркивает автор, возникли такие фигуры как Гайдар, Чубайс, Кох, Бурбулис, Березовский, Абрамович и многие другие, составившие социально-психологические типы новой номенклатуры, приведшие страну к ее нынешнему состоянию. Автор, указывая их поименно и дифференцируя по социальным ролям, исполняемым на общественном “подиуме”, все же рассматривает их деятельность как целостное явление. При этом подчеркивается единство этого социального феномена, причинно-следственная связь основных персонажей с процессами, возникшими в России в начале 1990-х гг.

Переход от планово-распределительной экономики к рыночной был целью всех постсоциалистических стран Европы. Однако конкретные способы перехода и политэкономическая модель выбирались и осуществлялись конкретными личностями. Вместо, например, шведской модели, близкой к ментальности россиян, была внедрена неолиберальная, крайне монетаристская, психологически чуждая нашему народу. Что же касается приватизации с ее безличными ваучерами, залоговыми аукционами и другими видами полукриминального распределения собственности великого государства, созданного многими поколениями россиян, то прежде всего из-за способа распределения государственной собственности реформы 1990-х гг. не были приняты населением России. По данным всероссийского исследования Института социологии РАН в 2011 г., только 6% россиян их одобрили [3, с. 23]. Осуществив приватизацию, правительство Е. Гайдара создало в стране новые отношения собственности. Именно эти отношения являются базовыми, они определяют все остальные общественные отношения: экономические, социальные, политические,

правовые, нравственные, психологические, воздействуя на общую морально-психологическую атмосферу в стране. Психологические факторы реализации новых отношений собственности в российском обществе, а также их следствия для социальной психологии личности работника и трудовых коллективов детально изучаются в современной психологической науке, в частности в такой ее развивающейся отрасли как экономическая психология [10–12; 14].

Характеризуя итоги реформ, Р.С. Гринберг пишет: «Урон страна потерпела сокрушительный и по объему раскраденных национальных богатств, и из-за усиленной примитивизации производства и, главное, по упущенным времени и возможностям необходимых общественных преобразований. Но трагедия 1990-х гг. состоит еще и в том, что адепты “либерально-криминальной экономики” создали невероятные сложности для будущих реальных реформаторов» [2, с. 7]. Е. Гайдар и его команда стоят у истоков противоречивых социальных и социально-психологических явлений, возникших в постсоветской России. Наиболее остро они проявились в насаждаемой сверху общественной морали, которая на уровне конкретной личности выражалась в нравственном (или безнравственном) социальном поведении [18].

Реформаторы декларировали, что главное – создать класс собственников, а как собственность получена, не имеет значения, что, по существу, означало отмену морали. Аморальность подтверждается не только делами, но и высказываниями реформаторов, например, о естественной участи тех, кто “не сможет приспособиться к рынку”. Росстат документально подтверждает эти “издержки”: впервые после 1945 г. смертность в России в 1992 г. превысила рождаемость, а к началу 2000-х гг. эта разница уже достигла миллиона человек.

Даже если оставить в стороне огромное преимущество России в интеллектуальных и творческих ресурсах, то, сравнивая экономические реформы стран Восточной Европы, лишенных крупных природных богатств, с реформами России, обладающей уникальными сокровищами недр, можно прийти к выводу, что социальная катастрофа 1990-х годов – рукотворна. В этом один из смыслов книги Ж. Тощенко.

В монографии обосновывается, что только в условиях общественной аномии могли появиться фигуры, которые “оказали разрушающее влияние на развитие социально-экономических, политических и духовных процессов, привели

к деформации общественного сознания..., к колоссальным экономическим, геополитическим и имиджевым потерям для России» [18, с. 9–10].

Проблемой субъективного фактора российской реформации 1990-х годов Ж. Тощенко интересуется давно. Еще в 1999 году он провел анализ новой постсоветской номенклатуры: «нами правят — и в политике, и в экономике — не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам деятельности такие понятия, как “клики”, “кланы”, “касты”» [16, с. 130–131]. Это были его первые итерации к анализу правящей верхушки в 1990-х годах, которая сначала в журналистском, а затем и научном обиходе получила название “элита”. История показала, что правящий класс совсем не обязательно формируется из наиболее способных осознавать, формулировать и реализовывать общественные интересы, т.е. из представителей настоящей политической элиты общества. Невозможно поставить знак равенства между категориями “правящий класс” и “политическая элита”.

Будучи лучшей частью народа, элита выражает его интересы, проявляет о нем заботу, стремится к его просвещению. Солидарность элиты со своим народом, прежде всего, проявляется в ее заинтересованности в его физическом и нравственном здоровье. Это историческая закономерность, ибо здесь между целым и его частью существует тесная родовая связь: исчезнет народ — исчезнет и его элита. Степень зависимости особенно возрастает, когда речь заходит о таком уникальном виде элиты как нравственная, важнейшим признаком которой является воздействие ее представителей на нравственное состояние и поведение других людей, социальных групп и даже общества в целом [напр, 6]. У номенклатуры нет аналогичных связей с народом, здесь иная природа, иная мотивация, иные отношения.

Русский философ и филолог А.Ф. Лосев утверждал, что «каждое понятие и каждый термин, вводимые в общественную практику, переживаются своеобразно *принимаемой культурой*, вызывая в сознании определенный ассоциативный ряд... Определяя какой-нибудь предмет и произнося его название, мы в то же время занимаем позицию “воспринимающих” этот предмет» [8, с. 96].

Термин — это инструмент познания. Результаты социального знания напрямую зависят от категорий, которыми оперируют исследователи. Научный термин должен адекватно отражать предмет исследования, иначе нарушается первая

методологическая задача, которая состоит в поиске слова, отражающего сущность изучаемого феномена. В противном случае не только разрушается смысловая структура языка, но становится неэффективным и сам процесс познания.

Общество устойчиво, когда оно организовано и когда его образ в сознании людей не входит в глубокое противоречие с его реальным состоянием. Подмена реального виртуальным пагубна для общественного сознания. По меткому выражению булгаковского профессора Преображенского, хозяйственная разруха начинается с разрухи в головах людей.

В начале 1990-х гг. в Петербурге проходил социологический семинар по проблемам социальной стратификации, где, в частности, был поставлен вопрос: к какой социальной страте следует относить воров? Петербург, как и большинство городов России, в тот период захлестнул вал преступности, а криминальные группировки составляли заметную часть общества. Возникла дискуссия о категориально-понятийном аппарате, о том, что стыдливые эвфемизмы несовместимы с объективным научным познанием: вор должен быть назван вором.

Те, кто извращают смысл слов (неважно, из-за бездумного заимствования иностранных терминов или верноподданнических чувств), могут порождать в обществе по отношению к науке сначала раздражение, а затем и враждебность. Научное сообщество, вместо того, чтобы просвещать общество в каждый исторический период его развития, легко может стать непонятной для него, чуждой ему корпоративной группировкой.

В монографии Ж. Тощенко все деятели 1990-х годов, большинство имен которых у читателя на слуху, названы метафорично, ибо метафоры выражают образ эпохи. А образ всегда убедительнее многих других форм иллюстрации. Образ факта может быть мощнее, чем сам факт.

Достоинство исследования Ж. Тощенко заключено не только в том, что на примере российской реформации показан рост субъективного фактора в историческом процессе. Он выделяет и другую тенденцию: с развитием общества актуальной становится задача не только интеграции наук, но и интеграции на более широком уровне творческой, духовной деятельности. И научная, и художественная картины мира — продукты познания, не противоречащие, а дополняющие наши представления об окружающей реальности. Наука не может заменить собой другие формы познания мира. И все, что ускользает из ее поля

зрения, компенсирует другая форма постижения мира – искусство. Художественные образы, как и научные понятия, отражают действительность. А. Эйнштейн считал, что Ф. Достоевский дал ему больше, чем математик К. Гаусс. Достоевский задолго до Фрейда проник в глубинные основы психики человека, раскрыл динамику взаимодействия сознательного и бессознательного, которую он особенно глубоко постиг в ее связи с конкретным социальным поведением личности.

Литературные приемы (эпитеты, метонимии, метафоры) позволяют теоретическую мысль не только выразить объемно, но и сделать ее точной. В конце XX в. появилось целое направление когнитивной лингвистики (Ж. Фоконье, Р. Лангакер, Л. Талми, Р. Фейнман и др.), рассматривающее метафору не только как лингвистическое явление, но и как важнейший элемент мышления, концептуализирующий картину мира. В 1980 г. Дж. Лакофф показал, что “метафора не ограничивается сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны” [19, с. 11].

В своей монографии Ж. Тощенко убедительно доказал необходимость использования метафор в качестве инструмента познания общества. Характеризуя реформаторов, выдвинутых на политическую сцену в результате разрушения советской системы и возникновения криминального хаоса 1990-х гг., он использует термин “бесы”, вызывающий аллюзии к Достоевскому, который представил портреты социальных типажей, начисто лишенных морали. Ж. Тощенко для выявления сущности персонажей политической номенклатуры, возникшей в итоге российских реформ 1990-х гг., теоретически обосновывает необходимость использования таких определений как “мутанты”, “клоуны”, “провокаторы”, “манкурты”, “фальсификаторы”, “имитаторы” и др.

Реформы возможно впервые в истории страны инициировали появление в правящей верхушке людей, жизненные планы которых никак не связаны с Россией. Получив возможность управления страной, они ее использовали прежде всего в качестве источника личного обогащения. Разложение российской бюрократии приняло характер национального предательства. Высокопоставленные чиновники даже не пытались как-то маскировать свои нравственные приоритеты. Примеры, которые приводит в своей книге Ж. Тощенко, для нормального человеческого восприятия кажутся слишком литературными, излишне сатирическими, но это реально существовавшая

русская обывательность. Всего один пример, представляющий довольно массовое явление в правящем классе, которое в российском журналистском обиходе получило название “пехтинг”. В. Пехтин, депутат Государственной Думы РФ четырех последних созывов, вице-спикер, один из руководителей правящей партии “Единая Россия”, председатель Комитета Думы по этике (!) в декларации о незыблемости скрыл наличие в американском штате Флорида поместья с виллой в Майами-Бич, стоимостью 2.8 млн. долларов. Когда в феврале 2013 года это стало достоянием общественности, Пехтин несколько дней выражал праведный гнев за “ложные обвинения”. А когда понял, что отпираться бесполезно, тут же отказался от высокого гражданского долга служения России.

В этом году Россия вступает в канун 25-летия экономических реформ 1990-х годов, результаты которых до сих пор не представлены широкой общественности. Адекватный анализ, как в объективной, так и в субъективной сферах еще не проведен. Монография Ж. Тощенко вносит важный вклад в освоение опыта российской реформации, из которого необходимо извлечь полезные уроки для будущего России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богомолов О.Т.* Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
2. *Гринберг Р.С.* Слово к читателю // Мир перемен. 2010. № 1. С. 5–8.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян: Опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Изд-во “Весь мир”, 2001.
4. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
5. *Журавлев А.Л.* Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
6. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
7. *Лихачев Дм.* Совесть – гарантия свободы // Время жить вместе. 2007. № 1. С. 3–7.
8. *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2010.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд. М.: Русский язык, 1990.

10. Позняков В.П., Журавлев А.Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
11. Проблемы экономической психологии. Том 1. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
12. Проблемы экономической психологии. Том 2. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
13. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997.
14. Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999.
15. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
16. Тощенко Ж.Т. Элиты? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 126–137.
17. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
18. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

THE SUBJECTIVE FACTOR IN RUSSIA IN THE 1990-IES: REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH OF ZH. T. TOSHCHENKO, “THE PHANTOMS OF THE RUSSIAN SOCIETY”

R. H. Simonyan

*Sc.D.(sociology), leading, research officer, Center for the North European and Baltic Studies MGIMO
University MFA RF, Moscow*

In the last decades in the social science is rejection of the dictates of “natural history” patterns of social change in favor of approval of the principle of “socio-historical” process. In it the crucial role is played by “active social actors”, which corresponds to the philosophical law about the increasing role of the subjective factor in the historical process. How big this role shows social practice. The need for discourse about social actors contemporary Russian history is updated the monograph of J. Toshchenko “Phantoms of the Russian society”. This book was published on the eve of the 25th anniversary of economic reforms.

Key words: economic reforms of the 1990s, social types of a new item, a synthesis of scientific and artistic reflection of life, cognitive linguistics.